

Нина Шевцова

Колдовское утро

АЛТАРЬ
ПОЭЗИИ

Нина Шевцова

Колдовское утро
(сборник стихотворений)

«РИПОЛ Классик»

2007

Шевцова Н. П.

Колдовское утро (сборник стихотворений) / Н. П. Шевцова —
«РИПОЛ Классик», 2007

О поэзии Нины Шевцовой невозможно говорить бесстрастно. Ее стихи – глубокие, нежные, изящные, проникновенные и вместе с тем простые той волшебной простотой, которая всегда отличала и отличает истинное мастерство. Нина Шевцова – мастер рифмы, создающей изысканную, воздушную ткань стихотворения и удивительно свежую, оригинальную образность. Загадка этого процесса, к счастью, остается неразгаданной...

Содержание

Два билета	5
Утренний этюд	8
Цветной гобелен	9
Дети на даче	12
Обида	14
Тюльпаны на Пуске	18
Друзья моего сына	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нина Петровна Шевцова

Колдовское утро

Два билета

* * *

Тебя позвать – как воздуха вдохнуть,
Пройдя сквозь ужас нового рожденья,
Утратить все, чтоб видеть чистый путь
Тяжелого достойного служенья.

Тебя позвать – как встать под образа,
Покаяться при всем честном народе,
Вновь выбрать жизнь, узнав твои глаза,
Вернуться к человеческой природе.

Тебя позвать в мертвящей тишине,
В глумленье зла всемирного бедлама,
И счастье знать, что ты ответишь мне,
Ты подойдешь и ты укроешь, мама...

Тебя позвать...

* * *

Ожесточенные слепой работой,
Такие руки и лаская грубы.
А нежность кажется фальшивой нотой.
И не целуют каменные губы.

Свистки и окрики – яслей, детсада,
Продленок, пионерских лагерей...
Какое историческое «надо»
Ковало тех железных матерей?

Железным – слава.
Но моя девчонка
Впотьмах ко мне прильнет.
И, скрыв печаль,
– Грудь, – ей скажу, —
не чтоб носить медаль.

Она дана, чтобы кормить ребенка.

* * *

Руки царапая, горькую жаркую пижму
С треском и хрустом рву
в придорожном кювете.
Зелень и пыль кулаками
сведенными выжму
Ярости слезы сухие в дикарском букете.

...Детство, волчонок, я оботру, не оставлю
Слезы твои. В жизни горше
бывают едва ли.
Самую сложную взрослую склоку и травлю
Переживу, как смешной фейерверк
в карнавале.
Только бы детские слезы верили, звали...

* * *

Ты был могучим добрым великаном.
Ты жил без тормозов, ядрена мать.
Теперь, наверно, станешь наркоманом:
Судьба здесь не дает нам выбирать.

— Зачем такая жизнь? — бунтуешь ныне. —
Все отняли: здоровье, деньги, честь... —
Я зажимаю рот твоей гордыне.
Пусть только будет жизнь. Какая есть.

* * *

Из дискотек, от злых ревнивых мук,
Снимая грим и тесные жакеты,
Крадутся возбужденные Джульетты
Испить покой из бабушкиных рук.

Какое счастье, если спит семья,
Не пристаёт с допросом-приговором.
Ворчун, шалунья, бабушка моя,
Встань, рассуди! Давай поплачем хором.

Не сохни, сердце старое, свети!
Не прогоняй смешные слезы эти,
Дай веры ей, насмешливой Джульетте,
До бабушки обиду донести...

Утренний этюд

Дождь. Бег. Листопад. Магазин.
Под зонтиком звонко целуются.
Лихими штрихами машин
Взъерошена рыжая улица.
Багрово взвивается клен,
Спросонья лохматая бестия.
И тихо присел почтальон.
Тяжелые, видно, известия...

Цветной гобелен

Памяти бабушки Татьяны

Простоволосая бродит береза
в талой воде по колено:
Сонное, белое, жадное тело
и молодое пока.
Зиму еще как-нибудь. А вот к маю
пыль оботру с гобелена,
И, как задушенный плач соловьиный,
вдовья накатит тоска.

Талые воды.
Погоня смертельная.
Лодка с разбитой гитарой.
Жизнь моя, что ты? Куда ты спешишь?
Ты покидаешь меня
В этом лесу, где я сто раз умру
прежде, чем сделаюсь старой,
В талой воде, где сгорю я дотла,
так и не тронув огня?

В мае, когда все лесное зверье
носит у сердца ребенка,
В мае, когда и земля, и вода
шепчут живому: «Живи...» —
Два конвоира тебя увели.
(Лагерь. Штрафбат. Похоронка.)
Тонет береза в высокой воде.
Лес утопает в любви...

* * *

«Вас ждет подъем», – астрологи сказали.
Но оказалось, это – снегопад.
И детской флейты всхлипы в белом зале,
Куда в слезах вошла я наугад.
В слезах небесных, в снеговой купели
Я поняла, что правильно иду:
Жар щек – девчонка – снегири зардели
На смугло-снежной яблоньке в саду.
Сюда не смеют: жадность, унижение,
Болезни, крысы, грубость и вранье.
Здесь – неумело-трепетное пенье,

Звучащее дыхание ее.

* * *

Живые, мы платим по трем вексялям:
Рожденье, любовь, материнство.
А сердце, как рокер, свистит патрулям
И с хаосом ищет единства.

Живем, развлекаясь доступной игрой
В «дороже-дешевле». Но вдруг
Несбывшейся жизни рокошующий рой
Судьбу вырывает из рук.

И чем объективнее, тоньше, умней
Партнер объясняет свой крах,
Тем подлая мысль:
«Не платить векселей!» —
Ярче зияет в словах.

* * *

Вдоль мутных контуров аптеки
Поземки медленные треки
В багровый залп рассвета...
И страшно руки развести,
Пока лицо лежит в горсти
Ошибкой графарета —
Без грима, без ответа,
Во сне часам к шести...

* * *

Я к вам вбегу не с тостами смиренными,
А чтоб успеть, схватить, ударить жестко
И выбить бритву из руки подростка,
Дрожащую над голубыми венами.

За чье благополучие расплата?
Кто, кто в тебе не понял ни рожна?
Прости меня. Не я ли виновата,
Что стала жизнь твоя тебе страшна?

Дай мне последний шанс. Без укоризн
Я докажу, как мысль твоя жестока.
Дороже этой жизни только жизнь,
Которая в тебе молчит до срока.

Дети на даче

Кроватки застелены так аккуратно,
Послушные куклы уселись на стол...
В квартире, прилизанной неоднократно,
Давно не царил озорной произвол.

Я поздно встаю. Я по-разному кофе
Варю, проверяя рецепты подруг.
Ликер достаю в керамическом штофе.
Мешаю, терпя холодильника звук,

Протяжный, сверлящий... Откуда он взялся?
Мой слух не припомнит подобных помех.
И кран не гудел, когда здесь раздавался
То жалобный плач, то отчаянный смех.

Садимся. Наш завтрак изысканно-скромнен.
И в комнате можно чуть-чуть покурить.
Привычны слова до привычных оскомин.
Молчим, слава Богу. О чем говорить?

В метро. На работу. С работы трамваем.
Почти не решая, плетемся в кино.
Зевая, афишу в дожде созерцаем.
Ну что там поближе? Пошли... Все равно.

* * *

Д.

По зорким стеклам хлещет мутный ливень,
И крестик твой мне падает на грудь.
Ты в это утро нежно-агрессивен,
И нам в потоке пенном не свернуть.

А, растворясь друг в друге, плыть бездонно,
До первых судорог, глаза в глаза,
До стука в дверь, до визга телефона,
Когда скрипят, как зубы, тормоза...

* * *

Н.

Она впорхнет в твой кабинет с бумагой,
Наклонит кудри, оголяя грудь,
Мизинчиком прочерчивая путь Для подписи.
Два взгляда мутной брагой...

Я – третий лишний здесь.
Так, дочь-подростка
Не видя, молодые мать с отцом...
Мешать любимым – вот судьбы излом!
И дочь дерзит, вредит, замыслив жестко:

Начать курить, уйти из дома – в слякоть,
Стать настоящим парнем, пить вино...
Так далеко все это и смешно.
И вновь – решенья нет.
Любить и плакать...

* * *

Нынче в кассе билетов навалом:
Кто же из дому едет зимой?
Оглушенная гулким вокзалом,
Я прошу: «Два билета... Домой...»

Но опять – удивленно, устало
Смотришь ты на меня и кругом:
То ли вновь я тебя не узнала,
То ль забыла опять, где мой дом...

Обида

Звонят, приходят гости невпопад,
Плывут с плиты горелые туманы,
Врет телевизор, ухают диваны.
В квартире шум. Но люди в ней – молчат.

Сидят за чаем утром вчетвером,
Выходят чинно в гости, на прогулку.
А после каждый, как браслет в шкатулку,
Свою обиду возвращает в дом.

И с каждым годом, кажется, наглей
Она во все дела суется лично:
Мелка, бесцеремонна и привычна...
А может, все и держится на ней?

* * *

В ночь из Москвы – оторвемся,
ни с кем не простясь,
Остро, азартно, легко,
как два ловких любовника.
Сто километров асфальта —
и нежить, и грязь,
Мара проселков, торфянок,
брусники, шиповника.

В яме машину утопим
и выползем в рожь
Длеть сколько можно
эту хмельную затяжку.
Пальцы на ощупь находишь,
целуешь и мнешь,
Хриплые всхлипы
в мою зарывая рубашку.

Только бы встать, плач кикимор
и сов одолев,
Только б дойти до деревни,
там банька согрета.
В мятном, парном, можжевелевом —
бронзовый лев —
Схватишь, уймешь, заласкаешь
до слез, до рассвета...

* * *

Словно необратимый процесс
Грезы – тайной, ночной, крамольной, —
Ах, какой мне явился лес,
Целомудренный, белоствольный!

Липким дегтем лицо хлестал,
Сыпал в косы жуков, как школьник,

Что в черемухе мне шептал
Пьяный вор, соловей-разбойник!

...Как от хмеля, очнись в избе,
Хлопоча пред свекровью хмурой.
Что-то помню сама в себе,
Улыбаюсь счастливой дурой.

* * *

Сонное ульев смиренных тепло,
Ворох грибной утомительной лени...
Пламя листвы облизало колени,
Плечи куснуло, гортань обожгло.
Знаешь, мой буйнопомешанный лес
В год переврал адреса, интерьеры,
Гнезда рассыпал, обрушил пещеры,
Выселил белок. И ежик исчез.
Сжег муравейники, змей без числа,
Сосны ржавеют, и вымерзли птицы,
Стадо кабанье разрыло грибницы,
Плесень в оврагах гнилых расцвела.
Вот – за веселие в доме чужом, —
Вот как он мстил мне, грозя то и дело:
Если не хочешь – гори все огнем,
Если не любишь – гори! И – горело...

* * *

Мимо брошенных изб, в ночи...
Не кричать, раздувая вены,
А молиться меня научи

За эти мертвые стены.

Не печати на властном челе,
Не наивной небесной химере,
А бездомной, измученной вере,
Безродной убитой земле...

* * *

Хочется горлинок шелком
цветным вышивать
Самозабвенно, по краю
холщовой рубахи,
Медь обожженных ладоней
мужских целовать,
Стремя хватать и поводья
удерживать в страхе.

Хочется женщиной,
Женщиной быть – вопреки
Моде, порнухе, обманутой прессе,
бюджету...
Встать у развилки, глядеть
из-под смуглой руки,
Плакать полжизни вослед
уходящему свету...

* * *

Она перестала краснеть,
ревновать без причины,
Над вышивкой слепнуть,
беречь старомодный уют.
Исчезла тетрадка с рецептами
маминых блюд.
Нет женщины в доме.
А значит – не будет мужчины.

Два умных, блестящих соперника
рядом живут.
Гордятся друг другом. Следят.
Не прощают успеха.
И тосты влюбленных гостей —
только новое эхо
Бесполого равенства, праздно

трубящего тут.

Совет да любовь заменили
игрою ума.
Удобно. Легко. Без потерь.
Как у всех. Неужели
Ходили мы греться в прохладные
эти дома?
А в доме родном сквозняки
ледяные свистели.

Тюльпаны на Пуске

1.

Ты собирался так аккуратно, словно —
надолго.
Спящего сына укрыл. (Он причмокнул
смешно.)
Долго смотрел, обнял меня. Поправил
заколку.
И попросил: «В нольЗпятьдесят гляньЗка
в окно».

Значит, сегодня. В городе ждали.
На побеленных
Ярких столбах птицы звенели, как
знойный мираж.
Много блистало звезд незнакомых
на встречных погонах.
Белый автобус ждал, чтоб вошел
неземной экипаж.
День, как и все, в марь суеты канул
бесцветно.

В женских глазах – или это казалось? —
тревога росла.
Темень упала. Многие люди, было заметно,
Шли на пустырь, где вширь открывалась
звездная мгла.

А над саманными двориками Тюра-Тама,
Одноколейкой, где мотовоз тормозил,
Тихое зарево шло, разгораясь упрямо,
Ветер устойчивый смутную гарь доносил.

Вспыхнул огонь. И болезненно-злыми
толчками
В небо провел огневую кривую черту —
Гром докатился. Ступень догорала
над нами —
Вот, отделившись, звезда поплыла
в черноту.

Там закричали, на пустыре. Рвали гармони,
Пили. И тосты звучали на всех языках.
И почему-то, стоя в халате на узком

балконе,
Плакала я, погремушки сжимая в руках.

Тихо вернулась к кроватке. Над спящей
мордашкой
Долго сидела, забыв про ночные дела.
Ужин готовила, шила, уснув над
рубашкой —
Маясь в подушках, звона ключей
или утра ждала.

Свет просочился, дымно укутал дремотою
зыбкой,
Запахом странным и нежным,
топотом где-то вдали.
Ты, оглушенный, кричал, сияя мазутной
улыбкой:
«Видишь? Тюльпаны! На Пуске! Ночью,
сейчас! Расцвели...»

2.

На горячих песках Байконура
Погибают сухие ростки.
Как верблюжьи мохнатые шкуры,
Катит ветер слепые пески.

Там арыки беснуются в пене.
И, когда небеса проревут,
Отделение первой ступени
Наблюдает привыкший верблюдо.

3. Гости

Приходили. Чуть кивали.
В пиалу зеленый чай
Наливали. Не вчера ли
Мы в Столешниках в подвале
Собирались невзначай?

Тот же стиль: вихры, проборы.
Скулы жестче. Тверже взгляд.
И совсем другие споры
Вас терзали, волонтеры,
Целый год тому назад —

Вы над чаем ворожите,
Как над гаснущим костром.
Ладно, так и доложите,
Что тоскливо в общежитье
Вам тащиться впятером.

Сам хозяин рад чертовски
Пропустить еще глоток:
Слишком шумно, по-московски
Закипает кипяток,
Слишком ал уже восток...

4. Дублер

У космонавта ровный пульс на старте.
Нормален стрелок ход. Пищит прибор.
Качают кислород. Негромок хор
Эфира.
Но в болезненном азарте
В земной экран впивается дублер.

Он остается. Сколько трудных дней
Сближали их смертельные нагрузки!
А разлучиться надо здесь, на «пуске».
Дублер, придумай штуку посмешней!
Спасибо, брат. Вот это, друг, по-русски.

...Дублер! Твой пульс уляжется не скоро.
И знает тот, который на борту,
Что, если не осилит высоту,
Страшней не будет на земле укора,
Чем строгое сочувствие дублера.

5.

Завывал фургон «Межавтотранса»,
Стекла вдрызг заляпав мошкаррой:
Полкуплета хриплого романса
Да плечевки кашель за спиной...

Сухо мел восточный ветер, в трубы
Выдувая легкие земли.
Смех кривил обугленные губы
Бравших спирт и длинные рубли.

Ветер страсти, воли и просторов!
Те, кто различают голос твой,
Не выносят долгих разговоров,
А, вдохнув, зовут тебя судьбой.

6.

Снег над городом...
Так в осоку
Пух роняет подбитый гусь.
Ты, конечно, приедешь к сроку,
Если ладно все. Я боюсь
Долгих, ломаных, тупиковых
Улиц, твой стерегущих путь
Безлюдьем закрытых столовых,
Сквозняков, разрывающих грудь
Под узором тонкого свитера.
Я боюсь пожелать тебе
Чужой ладони, чтоб вытерла
Тот соленый снег на губе...

7.

Тюльпан не знает, что рожден в пустыне,
Когда ласкает вешняя вода.
Он солнцу отдается без стыда
Но, обжигаясь, дотлевет в глине.

А корень жив: он не забыл урока.
И дикий сок, дремавший много лет,
Плеснет соцветье новое на свет,
Лишь теплый луч потянется с востока.

8. Весенняя газель

Степные миражи... Далекie туманы...
Опять мне снились кзыл-ординские
тюльпаны...

Гортанный разговор и тюбетеек лоск,
Над пловом сход семей: шербет... халва...

обманы.

И мутной Сыр-Дарьи в поля побег чумной,
Где в сочных травах вязнут верблюжьи
караваны,

В кустах толчется гнус. И под слепой
луной
Ночами соловьи разнузданны и пьяны.

Еще паленой охрой не вздулся горизонт,
И горькая полынь не засорила краны,

И в болевые точки солнце не впилося...
Мужские влажные глаза нежны
и странны...

Байконур – Москва, 1985

* * *

О плафоны бьется мошкара.
Ну, гаси. Давай доспорим завтра.
Вот увидишь, мы пойдем с утра,
Кто сильнее и чья больнее правда.

Может, губы не дождутся дня
Или руки разберутся сами,
Или строго глянет на меня
Сын твоими серыми глазами...

Друзья моего сына

Угрюмы, вооружены,
Они толпятся в коридоре
И все царапины войны
Отстаивают в громком споре.

И, околдован, оглушен,
Мой сын, меня уже не слыша,
За ними, сдернув капюшон,
И каждая в подъезде ниша

Его свинцом захлеб сечет —
Ни тыла нет, ни обороны,
Ведь не берут меня в расчет
Двора жестокие законы.

* * *

Все в порядке. Улыбнись беззвучно,
Чтоб не замолчать на полуфразе.
Жизнь моя теперь благополучна,
Как у белых роз в хрустальной вазе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.